

Сведения об Иоанне или Иване Антоновиче, правнуке царя Иоанна Алексеевича [Из рукописей Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки] // Русская старина, 1894. – Т. 82. - № 12. – С. 82-97.

СВЕДЕНИЯ

об Иоанне или Иване Антоновиче, правнуке царя Иоанна Алексеевича¹

Плачевная судьба правнука царя Иоанна Алексеевича, Иоанна или Ивана Антоновича, рожденного от брака принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургской с принцем Антоном Ульрихом Брауншвейским², известны по истории. «Незаконно», — как выразилась о нем позже императрица Екатерина³, во младенчестве определенному к всероссийскому престолу и в том же еще сущем младенчестве советом Божиим низложенному на веки». Еще при сем низложении его 25-го ноября 1741 года было ему с небольшим пятнадцать месяцев.⁴ Императрица Елизавета Петровна, принимая престол своего родителя, манифестом 28 ноября возвестила всенародно, что «в разсуждении принцессы Анны и принца Ульриха Брауншвейгскаго к императору Петру II по матерям свойства и из особенной природной к ним императорской милости, не хотя причинить им никаких огорчений, с надлежащею им честию и с достойным удовольствием предав все их к ней разные предосудительные поступки крайнему забвению, всех их во отечество всемилостивейше отправить повелела». Но политическая уважения и вероятно советы приближенных не позволили императрице исполнить сего преднамерения. Вся брауншвейгская семья: младенец Иоанн, младшая его сестра Екатерина и оба их родителя были тайно заключены в Динаминдскую крепость близ Риги, под надзором генерала Василия Федоровича Салтыкова, а оттуда, спустя год, переведены в город Ораниенбург или Раненбург, принадлежащий ныне к Рязанской губернии. Но, повидимому, и это место признано было неблагонадежным для видов правительства. В 1744 году родилась мысль заточить изгнанников на крайний север России, в Соловецкий монастырь.

---

¹ Почерпнуто из рукописей, находящихся в Императорской С.-Петербургской публичной библиотеке.

² Анна Леопольдовна, или, как называли ее тоже иногда, Анна Карловна, родилась в 1718 г. в Ростке от Карла-Леопольда, герцога Мекленбургскаго, и Екатерины, дочери старшаго брата Петра Великаго царя Иоанна. Получив при крещении, по лютеранскому обряду, имена Елизаветы, Екатерины, Христины, она, по смерти отца, привезена была матерью в 1722 г. в Москву, но скоро лишилась и матери, осталась в сиротстве и в 1733 г. быв миропомазана в грекороссийское вероисповедание, наречена Анною. Брак ея совершился в 1739 г. в С.-Петербурге. Супруг ея был родной племянник Шарлотты-Христины, супруги несчастнаго царевича Алексея Петровича, и брат знаменитаго герцога Фердинанда, разделявшаго военные подвиги и славу Фридриха Великаго.

³ Манифест 1764 года августа 17 дня.

⁴ Родился 12 августа 1740 года.

С сей эпохи начинается дело, хранящееся в числе рукописей Императорской публичной библиотеки.

1744 года июля 27 последовал, на имя действительного камергера Николая Андреевича Корфа⁵, Высочайший указ за собственноручным подписанием императрицы⁶. Ему предписывалось ехать в Ораниенбург и, взяв с собою Пензенского пехотного полка майора Миллера, оставить его в верстах трех не доезжая города, а самому, по приезде туда, вручить приложенные указы: один л.-гв. Семейовского полка капитану Вындомскому. а другой л.-гв. Измайловского полка майору Гурьеву; затем изготовив, как наискорее коляски и прочие путевые припасы, отправить Вындомского вперед для заготовления по пути нужного числа подвод и, когда получится от него донесение о поставке оных до Переяславля-Рязанского, то тотчас ночью, взяв наперед принца Иоанна, отдать его с рук на руки упомянутому майору Миллеру, тоже с приложенным указом и, снабдив Миллера подорожною, в след ему немедленно отправиться в назначенный тем указом путь; на другой день ночью же взять принцессу Анну с мужем ея и остальными детьми¹), с находящимися при них людьми, а в числе их штаб-лекарем, с нужными на проезд и на первое время лекарствами, и ехать с ними всеми, в сопровождении майора Гурьева и прапорщика Писарева, 3-х унтер-офицеров и 30 избранных, лучших и трезвых солдат, к Архангельску чрез Переяславль-Рязанский, Владимир, Ярославль и Вологду; после чего у Архангельска на приготовленные морския суда, и следовать в Соловецкий монастырь, где оставить принцессу с мужем, детьми и сказанными служителями в команде у упомянутых Гурьева и Писарева и солдат. Гурьеву для всего того отправления велеть взять всяких съестных припасов, посуды поварской и столовой и белья по препорции персон, также и из вещей посланных от двора на шитье платья и обуви сколько надобно, чтобы тем не ответить и в проезд мешкотни лишней не учинить: ибо нужно к Архангельску поспеть по малой мере в половине сентября, дабы доехать морем до указанного места; в пути же припасы на пищу покупать, где что сыскать можно, а в Архангельске по отъезде в море, коляски и все путевые припасы сдать в губернское ведомство. По прибытии в монастырь, арестантов ввести в оный и разместить ночью, чтобы их никто не видал, на пищу их и на прочия нужды, что потребно, брать от архимандрита за деньги, а чего у него нет, то где сыскать можно будет, «чтоб в потребной пища без излишества нужды не было, токмо как в дороге, так и на месте, стол не такой пространый держать, как прежде было, но такой, чтобы можно человеку сыту быть и тем, что там можно сыскать, без излишних прихотей». Вместе с тем повелевалось Корфу доносить императрице, адресуя в кабинет Ея Величества, из Ораниенбурга, как отпустит принца Иоанна и сам с остальными поедет; потом из Переяславля, Владимира, Ярославля, Вологды, Архангельска и наконец Соловецкого монастыря; а как все там устроит, то возвратиться зимним путем к высочайшему двору, чрез Олонец, в Москву или Петербург, дав майору Гурьеву инструкцию о содержании принцессы с мужем, детьми и служителями так, чтобы их никто не только из живущих в монастыре и приезжающих, но и служители и

---

⁵ Имев в замужестве двоюродную сестру императрицы Елизаветы Петровны графиню Скавронскую, он был впоследствии генерал-аншефом, генерал-полицеймейстером, сенатором и Андреевским кавалером и умер в 1766 г.

⁶ Указ сей, как и все прочие на имя Корфа, находится в деле подлинником.

караульные, кроме находящихся при них женского пола и одного караульного, не видал и с ними говорить не мог.

Приложенные при сем указы были:

1. Капитану Вындомскому: ехать из Ораниенбурга до Архангельска для учреждения станом и поставки на них подвод, в расстоянии от 25 до 30 верст, а где случатся города, не ближе от них двух или трех верст; где же нет сухопутного проезда, там приготовить барки и суда, а в Архангельске требовать таковых от конторы над портом и в случае недостатка от губернатора, какия обыкновенно по Белому морю ходят. По мере заготовлений рапортовать Корфу, и для исправления сего дела — взять с собою из находящихся в Ораниенбурге л.-гв. полков 2 унтер-офицеров и 12 солдат.

2. Майору Гурьеву: во взятии и отвозе принца Иоанна с семьею и прислугою состоять ему в команде у Корфа, доколе последнему велено быть у того дела.

3. Майору Миллеру: «быть ему в команде у Корфа и когда Корф отдаст ему младенца 4-х летняго, то онаго приняв, посадить в коляску и самому с ним сесть и одного служителя своего или солдата иметь в коляске для сбережения и содержания того младенца, а именем его назвать Григорий».

С тем посланным и 6-тью человеками солдат ехать в Соловецкий монастырь по тракту, который укажет Корф, а сказывать едучи, что послан от Корфа наперед для осмотра приготовленных подвод и переправ, а о имени при себе младенца никогда и никому не объявлять и его никому, ниже подвозщикам не показывать, имея всегда коляску закрытую, а находящемуся при младенце солдату или слуге, или обоим вместе, ни с другими солдатами, ни с подвозщиками и ни с кем ни о чем не говорить и ни на какие вопросы никому не отвечать. В Архангельске, приехав на судне, пристать к стоящему против города острову и тут требовать приготовленнаго Вындомским морскаго судна, в которое посадить младенца ночью, чтобы никто не видал, и отправиться в Соловецкий монастырь, где его ночью же, закрыв, пронести в четыре покоя и тут с ним жить так, чтобы кроме его, Миллера, солдата его и слуги, никто онаго Григория не видал, и занять Миллеру две камеры, самая крайняя, третью держа порожнею для выхода, а четвертую для посланных с ним 6-ти солдат, из коих и караул у дверей содержать, а младенца из камеры, где он посажен будет, отнюдь не выпускать, и быть при нем днем и ночью слуге и солдату, чтоб в двери не ушел или от резвости в окошко не выскочил; о состоянии же его рапортовать Корфу, а по отбытии сего последняго, Гурьеву, и для сих рапортов приходиться ночью, чтоб его, Миллера, никто не знал. Сверх сих указов, тогда же даны были особья предписания:

1. Полковнику Чортову: ехать в Соловецкий монастырь и выбрать там покои пристойные на такое употребление, как он, Чортов, в Ораниенбурге сделал, с той стороны монастыря, где в оный входа нет. Покоев нужно: в одном месте четыре, и ход к ним по монастырю перегородить деревом, оставя один вход, чрез ту перегородку, малою дверью; в другом месте, но не далеко от перваго, двадцать; при первых четырех покоях иметь одну, а при других двадцати две поварни и оные двадцать покоев с поварнями также огородить деревом, если тут нет каменной или другой перегородки.

2. Архимандриту Соловецкому: такого же содержания, с приложением, что в сих покоях надлежит жить некоторым людям, определенным от Ея Величества, и чтобы о всех сделанных, по соглашению с Чортовым, распоряжениях, он «никуда рапорту не посылал и известия никакого ни письменнаго, ни словеснаго не давал, под лишением священства, монашества и живота, но содержал оное тайно».

Все вышеизложенные указы последовали в Москве, где тогда имела свое пребывание императрица и где при ней находился Корф. Собираясь в дальний путь, он не мог отправиться в Ораниенбург прежде 2-го августа, а между тем накануне своего отъезда представил вице-канцлеру графу Михаилу Иларионовичу Воронцову⁷, что как 4-х летний младенец, быв отпущен от людей, которые с ним живут и к которым он привык, не может быть спокоен, то не будет ли позволено взять с принцем Иоанном и отдать вместе с ним майору Миллеру находящихся при нем сиделицу и кормилицу, которых посадить в один с ним экипаж, чтоб он не плакал и по кричал, чрез то не утаение дела, а больше онаго разглашение последовать могло.

Императрица однакоже на сие не соизволила, и барон Черкасов от 4-го августа дал знать Корфу о воле Ея Императорскаго Величества, чтоб он поступал по прежде данному указу.

За сим в тот же день Корфу дана была дополнительная инструкция следующего содержания:

1. Служителей при арестованных лицах взять из Ораниенбурга: фрейлину Бину-Менгден⁸, камер-юнгферу Штурм, для принца Антона и «обретающихся при нем» одного камердинера, обоих принцев, кормилиц и камер-лакея Чаплинскаго; также 2-х поваров, поваренных и скатертных учеников по одному и хлебных двух, брантмейстерскаго ученика одного, прачек двух, портнаго одного и башмачника одного⁹.

2. Сержантов, капралов и рядовых взять не из гвардии, как указом предписано было, а из полевых полков; оставшимся же в Ораниенбурге чинам л.-гвардии объявить, «что долговременною их службою и верностию при той комиссии Ея Величество изволит быть довольна и вскоре велит им возвратиться к своим командам».

3. Если противная погода не позволит ехать от Архангельска к Соловецкому монастырю, то зимовать в Корельском Николаевском монастыре на возморье, от города в 30 верстах, объявив архимандриту онаго такой же указ, какой дан Соловецкому.

---

⁷ Представление это, вместе с Корфом, подписал находившийся при кабинете Ея Величества барон Иван Черкасов.

⁸ Двоюродная сестра камер-коллегии президента Менгдена, который при восшествии на престол императрицы Екатерины заточен был в Колымский острог.

⁹ Сверх того был взят штаб-хирург Манзей.

4. Ключи от того и другого монастырей иметь Корфу, а по его отбытии — Гурьеву, и монахов держать архимандриту неисходных; ворота же для входу и выходу отпирать в день не рано и запирать ввечеру не поздно, и когда заперты будут, то до другого дня ни для какой нужды монастырской не отпирать; да и архимандриту быть в монастыре неисходну.

5. Полковнику Чортову от самой Вологды везде по дороге объявлять спрашивающим, что посылается в поморье знатная особа, с немалою командою для осмотра соляных промыслов и действия об них, по дошедшим Ея Величеству сведениям, на каковой конец он вперед едет; а иногда сказывать, что отправляется туда по обещанию молиться в Соловецкий монастырь.

6. Корф имеет объявить архимандриту Соловецкаго монастыря, чтобы приходящих туда по обещанию и на труды из разных стран России людей никого не принимал и в монастырь не пускал, а которые уже там есть, тех бы выслал вон кроме приезжающих по обещанию только помолиться или молебен отпеть, которых однакож потом сейчас выслать; карауль у ворот содержать не послушникам, а солдатам. Взять от архимандрита реестр всем имеющимся в монастыре монахам и послушникам и реестр сей представить, запретив их переменять.

7. Письма, с которыми архимандрит, за какою-либо нуждою монастырскою, в монастырския вотчины пошлет, объявлять прежде Корфу.

Корф приехал в Ораниенбург 10 августа.

Отсюда начался ряд весьма частых донесений его самой императрице, вице-канцлеру графу Воронцову и в кабинет, на которыя он получал ответы частью в высочайших указах, частью в письмах Воронцова и частью в отношениях кабинета, за подписанием упомянутого выше барона Черкасова. Это видно из имеющагося в Императорской библиотеке дела; но само оно, к сожалению, содержит в себе лишь высочайшие указы, письма Черкасова и отпуски писем Корфа к Воронцову в немецком подлиннике с французским переводом¹⁰, а писем Воронцова и рапортов Корфа к императрице в нем не оказалось, так что содержание последних видно только отчасти из писем, при которых он препровождал эти рапорты Воронцову. При всем том и имеющиеся в деле бумаги представляют довольно любопытныя подробности. Сущность их состоит в следующем: по прибытии в Ораниенбург, Корф нашел там все, как он выражался, в самом жалком положении. Не только ничего не было приготовлено к дальней поездке, но, писал он, нет и фунта перцу, не говоря уже о других пряностях, и нет даже рюмки какого-нибудь вина. Экипажи оказались также в величайшей неисправности и притом, как арестанты приведены были в Ораниенбург зимою, то тогдашния повозки не могли уже служить для настоящего переезда. Замечательно еще одно: сведения высшаго правительства о касавшемся до арестантов, при всей

---

¹⁰ Корф умел говорить и читать по-русски, но не умел писать и даже фамилию свою подписывал на русских бумагах латинскими буквами. Из дела видно, что он очень долго настаивал о присылке ему секретаря для составления рапортов на русском языке, но, кажется, это требование и до конца удовлетворено не было, и вероятно, что он употреблял на это дело кого-нибудь из состоящих в его распоряжении офицеров.

строгости надзора, были так недостаточны, что камер-лакей Чаплинский, например, которого по инструкции предписывалось взять с собою, оказался отпущенным еще во время содержания их в Динаминде. Сам принц найден был больным от дурного качества питья, а мать его, повидимому, опять беременная, несколько уже дней лежала в постели. Корф, тотчас по приезде, посетил и ее, и ее мужа. Появление его до такой степени их поразило и встревожило, что он не решился на первый раз открыть им что-нибудь о своем поручении и ограничился только поклоном от императрицы. Донесение свое о том он заключил вопросом: «Должно ли, если болезнь принцессы усилится, предпринимать путь и потом продолжать его, или же остановиться, и должно ли также допустить к ней бабуку и священника, когда бы в последствии потребовалось?» Сверх того говоря о находившейся при принцессе, пользовавшейся ее любовью и доверенностью и однакож не предназначенной в отправление, фрейлине Жули или Жулии¹¹, Корф намекал, что если не взять ее с собою, то принцесса придет в совершенное отчаяние.

Весь ответ на это заключался в присылке из Москвы нужных путевых припасов на 9-ти подводках. Прочие вопросы оставлены без разрешения, может статья и за поездкою, которую предприняла тогда императрица в Киев. Между тем приготовления в путь оттянулись до конца августа. Накануне дня, назначенного к отъезду, арестантам объявлено было о том чрез майора Гурьева; они приняли эту весть с плачем и рыданием, но с изъявлением безусловной покорности Высочайшей воле. То же самое повторилось потом и перед самим Корфом. Принцесса и муж ее в слезах говорили, что это новый для них удар, потому что отправление их свидетельствует о большой еще немилости Ея Величества, тогда как они готовы лучше умереть, нежели навлечь на себя ее неудовольствие своими поступками, по чему самому и покоряются безропотно новой перемене в своей судьбе, но просят только довести о горестном их положении до сведения государыни и принять написанное к ней письмо¹². Затем, Корф велел им уложить свои вещи, каждому особо, так как недостаток лошадей не позволяет ехать всем вместе, и этим же предлогом прикрыть оставление фрейлины Жулии, говоря, что она приедет после, отчего принцесса впала в крайнее уныние.

Печальный поезд тронулся наконец 29 августа в указанном порядке. Сперва в 11-ть часов ночи, отправлен был майор Миллер с маленьким (mit den Kleinen), т. е. с принцем Иоанном; а потом ровно через сутки последовали за ним и прочие.

Отступление от инструкции допущено было только в том, что с принцем следовал еще один поваренный ученик для приготовления кушанья в дороге, а при родителях его взяты были, сверх указанной прислуги, еще один тафельдекерский и один мундшендский ученики и два кухонные мужика. Корф представлял при том, что для прислуги принцу и стирки белья необходимо было бы иметь при нем сиделицу, которая могла бы еще нагнать их в пути, и что принц Антон желает иметь при себе немецкаго пастора, так как ни он, ни люди его уже

---

¹¹ Жулия или Юлиана Менгден родная сестра упомянутой выше Бины.

¹² Корф неоднократно принимал и пересылал письма их к императрице; но содержание сих писем, равно и того, чтоб были на них ответы, из дела не видно.

столь давно не причащались и не были у службы Божией; но и эти представления Корфа остались без ответа, точно так нее, как и первья.

Поездка шла чрезвычайно медленно и с большими затруднениями. Препятствия возникали с одной стороны от положения принцессы, явно уже обнаруживавшагося и побудившаго даже раз пустить ей кровь; с другой, от необыкновенно дождливой осени, совершенно растворившей дороги, и без того уже дурных. Миллер с принцем Иоанном всегда оставались впереди на одни сутки. Принцесса скоро заметила, что разлучена с Жулиею и сыном навсегда, но, горько жалуясь на жестокосердие тех людей, проискам коих приписывала эту разлуку, сохраняла еще однако надежду, что милосердие императрицы возбуждено будет письмом, которое к ней отправила. И она и муж ее часто изъявляли опасение, что их везут туда же, куда сами они некогда отправили Бирона, тем более, что Корф на вопросы их отговаривался неведением и уверениями, что каждые три дня получает приказания, куда следовать.

По пути избегали останавливаться в городах и даже иногда совсем их объезжали проселками, что среди бездонной грязи еще более замедляло путь. Со второй половины сентября, по мере приближения к северу, стали появляться снег и лед, что внушало Корфу величайшия опасения. Экипажи, писал он от 2-го октября, проехав уже 140 верст за Шенкурск, невозможно поставить на зимний ход, так как в том крае водятся только самая узкия сани для езды в одну лошадь, чему отвечает и ширина зимних дорог. С другой стороны, посланный вперед Чортов доложил, что в это время переезд в Соловецкий монастырь невозможен, да и в Корельский нельзя проехать от Архангельска иначе, как морем на пространстве 30 старых и 60 новых верст, с опасностью быть занесу бурей в открытое море. Вследствие того Корф умолял вывести его из затруднения, разрешив, где провести зиму?

Императрица отвечала указом от 11-го октября. Предписывалось продолжать путь по прежнему повелению, а когда наступит зима и выпадет снег, то в том месте, где застанет, поставить коляски на сани и зимним путем ехать до Корельскаго монастыря, где и зимовать. Указ сей, казавшийся в противоречии с представлением, сопровождался объяснительным письмом барона Черкасова.

Он писал, что если от Архангельска нет сухаго пути до Корельскаго монастыря летом, то с наступлением зимы он откроется рекою и берегом по льду; а касательно зимних повозок советовал: «набрать мужичьих саней сколько потребно и нарубив березовых или ивовых дерев тонких, сии деревья расколоть и распарить на огне, сделать из них вязья в такую ширину саней, как нужно по коляскам, а если и не сыщется удобнаго для вязья дерева, то можно поперег саней положить бруски и на оные поставить коляски, а ежели скудость в полозьях будет, то еловыя деревья с корнями, которых там довольно, на полозья употребить можно, и тако ж на оные поставить коляски и положить колеса и ехать без нужды». Черкасов прибавил, что в случае распутия, впрочем по тамошнему климату невероятнаго, можно остановиться где-либо на время в жилье, которое там нередко встречается. Но еще до получения этих приказаний, оттепели, а потом внезапные морозы сделали дороги совершенно безпроездными, и донесения из Архангельска свидетельствовали, что от плавучаго льда и низководья переправа в монастырь уже невозможна. Вследствие того, Корф предписал Вындомскому приготовить для него в Холмогорах архиерейский дом, в

двадцати комнатах, где предоставлялось удобство разместиться со всею командою до весны. Поезд прибыл туда наконец 9 ноября.

Корф, донося, что ехать дальше нельзя за идущим на Двине льдом и что это место гораздо способнее для комиссии, нежели Корельский монастырь, где слишком мало комнат, а по ветхости здания везде так и продувает, что никаким огнем согреть нельзя, ходатайствовал о дозволении иметь при принцессе священника, которому бы совершать службу Божию без огласки.

Ответ на сие последовал не прежде, как чрез месяц, а именно в указе 5 декабря: «за неспособностью Корельскаго монастыря», — сказано было, — «тут быть до весны на Холмогорах, и в этом доме, где обретается».

Затем дозволялось допустить к совершению божественной службы в крестовой церкви архиерейскаго дома, одного чернаго священника с дьячком и пономарем, но с тем, чтобы ни они «известных персон, ни сии персоны священника и причетников видеть и с ними говорить не могли; а если принцесса или кто из служителей пожелает в будущий великий пост исповедываться или причаститься, то сего в Холмогорах не допускать, отложив до прибытия в Соловецкий монастырь, где и духовник особый определен будет: если же кто заболит к смерти и в таковом нужном случае, означенный черный священник кого исповедует или причастит, то уже сего священника в Холмогорах не оставлять, а взять с собою в Соловецкий монастырь, да и до отъезду туда велеть ему жить в архиерейском доме безвыходно и ни с кем из тамошних жителей его видеться и говорить не допускать».

Таким образом все брауншвейгское семейство, покамест еще временно, водворено было в Холмогорах, древнем городе Архангельской губернии, на Двинском острове, в 27 верстах от Архангельска. Жизнь их там текла вероятно так же, как прежде в Ораниенбурге и Динаминде: одни со своим несчастьем и своими горестями, они, кажется, и тут были в том же разлучении с принцем Иоанном, которое наблюдалось в дороге и предназначено было для Соловецкаго монастыря. Являлись иногда знаки благотворительной о них памяти со стороны императрицы. Так в конце 1744 года прислано было в Холмогоры по Высочайшему повелению «для употребления известных персон три актола венгерскаго вина и две дюжины разных гданских водок». Заключение, — доносил Корф, — не знают, как выразить свою благодарность за дозволение иметь священника и за присланное вино, — и сами пишут о том императрице.

Между тем сближался конец беременности принцессы. Оказывалась надобность приготовить бабку и кормилицу. Найти первую всегда можно было в Архангельске, но приискание последней, при повеленной тайне, представляло особенныя трудности. Корф сам для того ездил в Архангельск и с большими лишь усилиями успел уговорить одну немку, жену тамошняго мастераго, но и то уверив, что берет ее для собственной своей жены и приняв на себя поручение о пятерых детях ея. Едва она и бабка (Анна-Мария Донард) привезены были в Холмогоры, как принцесса 19 марта 1745 года разрешилась сыном. По слабости матери и младенца, — он был окрещен уже 21 числа с наречением его Петром, в присутствии Корфа и Гурьева, приставленным, по прежнему указу, к церкви архиерейскаго дома, крестовым иеромонахом Иларионом Поповым. Но и здесь приняты были самыя строгия меры осторожности. От Попова отобрана следующая подписка: «1745 года марта 19, призван иеромонах Иларион Попов к

незнаемой персоне для отправления родительских молитв, которыя, как ныне, так и впредь, иметь мне скрытно и ни с кем об оном, куда призван был и за чем не говорить, под опасением отнятия чести и лишения живота, в чем и подписуюсь». Такою же подпискою обязана и бабка, при отпуске ее обратно в Архангельск.

Прежде этого события Корф неоднократно представлял и императрице и кабинету, что комиссии во всех отношениях лучше бы и удобнее оставить в Холмогорах, нежели перевозить в Соловецкий монастырь: ибо чтоб ехать туда, надо спускаться до устьев Двины на малых судах, а там пересаживать опять на большия, чего нельзя было исполнить с соблюдением предписанной тайны. Сверх того, приводил он, на Соловках поставка жизненных припасов повлекла бы за собою большия издержки потому, что их надобно привозить с Устюга или Архангельска, тогда как в Холмогорах легко доставать нужное из соседних деревень. Наконец, он упоминал и о том, что с Соловецким монастырем пресекается всякая коммуникация на семь месяцев, и все это время невозможно иметь никаких донесений.

Из всех сих причин уважена была наконец последняя.

По крайней мере она одна означена в данном Корфу 29 марта 1745 года указе: чтобы известных персон содержать впредь до указу на Холмогорах, в том же доме. Прибавлялось только условием, чтобы Соборную церковь, в которую обыватели ходят, огородить кругом крепким и высоким забором, отступя от нея во все стороны сажен по 5 или более, как место позволит, дабы никто на архиерейском дворе и где команда расположена, ничего видеть не мог, и с тою же целию вход в сей церкви сделать с одной восточной стороны, прорубя в деревянной ограде одни небольшия ворота, а прежния с северной стороны оставить для входу и выходу одной лишь команды.

В том же указе Корфу давалось дозволение возвратиться к Высочайшему двору с тем, чтобы известных персон и команду свою он сдал майору Гурьеву. Сверх того возлагалось на него, при отъезде своем, спросить у принцессы, кому от нея отданы или розданы алмазные вещи ея, так как многих из них не является, и об отзыве ея по возвращении лично донести императрице. В отношении по тому же предмету она приписала собственноручно: «А ежели она (т. е. принцесса) запирается станет, что не отдавала никому никаких алмазов, то скажи, что я принуждена буду Жулию (Менгден) розыскивать; то ежели ея жаль, то она бы её до такого мучения не допустила».

Наконец к указу приложена была еще особая бумага, тоже за подписанием императрицы, следующего содержания: «ежели по воле Божией случится и иногда из известных персон кому умереть, особливо же принцессе Анне или принцу Иоанну, то учиня над умершим телом анатомию и положи в спирт, тотчас то мертвое тело к нам прислать с нарочным офицером, а с прочими чинить по тому ж, токмо сюда не присылать, а доносить нам и ожидать указу и сие содержать в крепком секрете, чтоб об том другие не ведали, и как отсюда поедете, то объявить о том майору Гурьеву словесно, чтоб он так поступал, а сию цидулу с собою к нам привезь»¹³.

---

¹³ При деле находится она только в копии.

Все сие, за разлитием рек и повреждением дорог, получено было Корфом уже в мае, что вместе с разными по указу распоряжениями дозволяло ему выехать из Холмогор не прежде половины июня.

Сим оканчивается находящееся в Императорской публичной библиотеке дело, к которому приложены только еще данная от Корфа к Гурьеву инструкция (списанная с указов) и разные счетные выписки.

Из других источников известно, что принц Иоанн впоследствии (но когда и как) перемещен был в Шлиссельбургскую крепость, где по поводу покушения Смоленского пехотного полка подпоручика Мировича освободить его для возведения на престол был умерщвлен в ночь с 4 на 5 июня 1764 года¹⁴ приставленными к нему: капитаном Васильевым и поручиком Чекиным. Прочие члены Брауншвейгской семьи долго томились в Холмогорском заточении.

Сверх упомянутых выше: Екатерины, Елизаветы и Петра, в 1746 году родился еще сын Алексей, и рождение его сопровождало смертью матери¹⁵. Принц Антон, потеряв наконец от слез зрение, умер в 1774 году 4 мая. Только уже в 1780 году императрица Екатерина, удостоверясь, что освобождение детей его не может иметь никаких политических последствий, предположила отправить их в датские владения и поручить там в покровительство родной сестры их отца, вдовствовавшей королевы датской Юлианы-Марии, которая согласилась на то с особенным удовольствием и чувством признательности. Устройство дела было препоручено назначенному тогда генерал-губернатором ярославским, вологодским и архангельским Мельгунову. После 39-летнего заключения, из коих 36-ть прошли в Холмогорах, оба принца с сестрами их отправлены были в Данию, на русском судне «Полярная Звезда». Местом для жительства их там назначен был небольшой город в Ютландии, отдаленный и от моря, и от больших дорог.

При отправлении императрица наделила их щедрою рукою, сверх богатых запасов для одежды и прочаго, им дано 2.000 червонных на карманные деньги, каждому брату и каждой сестре назначено ежегодно пенсии по 8.000 руб., всего 32 т. и впоследствии пожаловано еще 40 т. талеров на обзаведение для них дома. Выехав из Холмогор в ночь с 26 на 27 июня 1780 года, они отправлены были в дальнейший путь 29 числа и после трудного морского плавания до Аальборга, прибыли в Горсенс¹⁶ сухим путем уже 13 октября. Дальнейшая их жизнь текла в отдалении от двора и света и хоть на свободе и с сохранением титулов принцев и принцесс, но с постоянным за ними надзором. Елизавета умерла первая¹⁷ 20 октября 1782 года, потом за нею последовали: 22 октября 1787 года Алексей¹⁸ и

---

¹⁴ На 24 году от роду.

¹⁵ Тело ее перевезено в С.-Петербург и погребено в Александро-Невской лавре. Умерла 28 лет.

¹⁶ Горсенс при Горсенфиорде, с 4 т. жителей, с хорошою гаванью, месторождение известного командора Беринга, в Северной Ютландии в Аургузском округе.

¹⁷ 40 лет от роду. Родилась в заточении в Динаминде.

¹⁸ На 41 году от роду. Родился в заточении в Холмогорах.

30 января 1798 года Петр¹⁹; Екатерина дожила до 9 апреля 1807 года²⁰. С нею пресеклось потомство брата Петра Великого. Несмотря на постепенное уменьшение семейства, определенная всем четверем пенсия в 32.000 рублей производилась вполне до самой смерти Екатерины. Император Александр I велел находившимся при Горсенском дворе людям обратить в пенсию, из русской казны, полные их оклады, а после их смерти производить сию пенсию их вдовам.

---

¹⁹ 53 лет от роду. Родился в заточении в Холмогорах.

²⁰ Около 66 лет от роду.